

ЮЛИЯ *Женищина, которой сестрает бог*
ШИЛОВА

КРИМИНАЛЬНАЯ
МЕЛОДРАМА

**Белая
ворона,**

или В меня влюблен даже бог

НОВИНКА + СУДЬБЫ В ПИСЬМАХ

Юлия Шилова

**Белая ворона, или В
меня влюблен даже бог**

«Шилова Юлия Витальевна»

2009

Шилова Ю. В.

Белая ворона, или В меня влюблен даже бог / Ю. В. Шилова —
«Шилова Юлия Витальевна», 2009

Анна, хлебнувшая детдомовского детства, всегда мечтала о красивой жизни. И о Большой Любви. А пока, чтобы выжить, ей приходится промышлять непристойным бизнесом – она обворовывает состоятельных мужчин, падких до женских прелестей, подсыпая в их вино клофелин. Но однажды очередной «клиент» умирает у нее на глазах. Потрясенная Анна находит в себе силы уйти, не оставив следов. Но до дома она не доезжает. В машине, которую она остановила, находится человек, который знает: она убийца. Он готов хранить молчание и даже окружить Анну небывалой роскошью. Но взамен хочет ее душу...

© Шилова Ю. В., 2009

© Шилова Юлия Витальевна, 2009

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	25
ГЛАВА 6	29
ГЛАВА 7	33
ГЛАВА 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юлия Шилова

Белая Ворона, или В меня влюблен даже бог

ПРОЛОГ

Я всегда была Белой Вороной. С самого раннего детства. Очень сильно от всех отличалась и не боялась высказывать свою точку зрения, хотя она, как правило, не совпадала с мнением окружающих.

Я не обижалась, когда в мою сторону тыкали пальцем и обзывали Белой Вороной. Это моя ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ. Я не боюсь быть НЕ ТАКОЙ, КАК ВСЕ.

А какие они, эти все? Живут по придуманным стереотипам, строго следуют условностям и боятся отступить от них даже на шаг. Никогда не хотела быть посредственностью. Я могу вписаться в любое общество, не теряя своего лица. И мне наплевать, что кто-то показывает на меня пальцем. Серости всегда завидуют ОСОБЕННЫМ ЛЮДЯМ, НЕОРДИНАРНЫМ ЛИЧНОСТЯМ, а уж тем более если эта личность – женщина. Я умею выделяться из толпы, а ведь на такое мало кто способен.

Меня никто никогда не понимал и всегда торкали за спиной. Ко мне всегда относились по-разному: с удивлением, восхищением и презрением. Я не проявляю слабость на людях, потому что знаю – тут же заклюют. Нужно уметь защищаться не кулаками, а словами.

Для меня толпа – это стадо. Люди, которые подстраиваются под стадо, – слабаки. Нужно уметь подстраивать стадо под себя. Мы сами делаем себя воронами, черными или белыми. Кому как больше нравится.

Белая ворона – очень редкая и выдающаяся птица. Иногда мы определяем ее по полету, иногда – по непривычному цвету оперения. Я никогда не зависела от общественного мнения, и мне неинтересно, что думают и говорят обо мне другие. Многих раздражает сам факт моего существования. Но я не жалею. Не привыкла. У нас тенденция: чем интереснее женщина, тем охотнее толпа готова окунуть ее в грязь. То ли дело на Западе. Там все толерантные, дружелюбные. Пусть даже просто создают видимость. А у нас всегда ищут и... находят врагов. Непонятно, откуда в людях столько злости и яда. Кто мешает им быть интересными, эффектными и успешными? Лень?! Нытье про то, что обижены жизнью и судьбой? А ведь они палец о палец не ударят, чтобы хоть малость изменить в своей судьбе. Мне не важно, что думают обо мне люди, главное, что они тратят на это свое время. Значит, я не оставляю их равнодушными.

Да, я не похожа на остальных... Да, я выделяюсь из общей массы... Да, я мыслю не так, как все. Ну и что? Кому это мешает? Быть Белой Вороной – мужественный поступок, ведь это означает, что ты не изменяешь своим принципам и ни под кого не подстраиваешься. Да и жизнь не обещала быть легкой. Звезда светит тем, кто ее света достоин...

Я всегда «не такая», до рези в глазах. Настоящая экзотическая птица. Если честно, устала доказывать необычные для большинства и очевидные для меня вещи. Белым Воронам во все времена жилось нелегко.

В детстве я часто не придавала значения своему отличию от «стаи» и не понимала, за что «сородичи» меня клюют и обижают. Но я не страдаю от своей белизны и никогда не хотела потемнеть. Я научилась жить со своей уникальностью и настораживать людей своей непредсказуемостью. А еще знаю, что истинно белой птицей стать невозможно – ею нужно родиться. Увы, многим не дано понять, что это – индивидуальность, которую нужно уважать, а не учить, как от нее избавляться.

Меня считают странной, подозрительной и ненормальной. Я же горжусь своими странностями и не пытаюсь соответствовать стандартам.

Я просто обожаю играть с огнем, «сжигать мосты» и смотреть на кровавый закат. Я опасна и плачу судьбе по счетам за то, что мое сердце напрочь закрыто от всяких чувств. Обожаю нарушать запреты. Иногда мне кажется, что я избранная Богом. Им избранная, им же и наказанная...

Еще в школе мне однозначно давали понять: ты не из нашей «стаи». Говорили: «Ты не должна быть такой!» Они хотели, чтобы я стала предсказуемой и удобной. Я слушала учителей и думала о том, что никому ничего не должна. Никому не дам собой управлять. Что владеет моей жизнью: шаблон, по которому все живут, или мое внутреннее «Я»? У моей жизни есть только одна хозяйка – я сама.

Я не всегда была такой смелой и прямолинейной. Окружающие сотни раз пытались сломать мой дух, сочиняя злые сплетни. Им не нравилась моя непокорность толпе, ведь они призывали ползать, а я стремилась летать. Но я-то все равно ПОИМЕЮ ЖИЗНЬ, ПОКА ЖИЗНЬ НЕ ПОИМЕЛА МЕНЯ. У Белой Вороны всегда есть шанс превратиться в настоящую Редкую Птицу и вместо насмешек и подозрений вызывать восхищение и конечно же зависть.

Я ОСОБЕННАЯ. Не похожа на других. Эта непохожесть манит и очаровывает. И даже если жизнь сбросит меня со своей карусели и я буду валяться растоптанная на земле, никогда не почувствую себя никчемной. Ведь я Белая Ворона, а не среднестатистический равнодушный обыватель. Где бы ни пришлось мне бывать, все никого вокруг не видят. Только меня. Белая Ворона бросается в глаза в массе стандартных черных. Когда иду по улице, никогда не смотрю под ноги. Гляжу на людей и улыбаюсь. У них у всех бледная одежда, а я люблю яркие цвета – они прекрасно поднимают настроение. Я могу шокировать, завораживать, обезоруживать и даже брать в плен. Всегда высказываю то, что думаю, в лицо и не боюсь правды. Я понимаю, что многим это не нравится, но я ведь не многие...

В целом я искусно притворяюсь. Все и всех подвергаю сомнению. Что поделаешь – врожденное чувство осторожности и недоверия. Может, кого-то оскорбляю этим. Но так получается само собой. Я во всем ищу подвох. Расстаюсь, возвращаюсь и вновь бегу по замкнутому кругу. У меня слишком резкий характер, взрывной. Я чересчур принципиальна и слишком самоуверенна. Люблю играть с жизнью в различные игры. Временами я похожа на вулкан. Могу одним махом уничтожить все, что создавала годами. Могу долго «спать», никого не замечая. Я слишком осторожна и научена жизнью. Я слишком умна, но иногда, чтобы потешить мужское самолюбие, изображаю дуру. Когда изображаешь дуру, жить легче и тебя больше любят.

Ненавижу этот инкубатор и презираю тех, кто стремится быть «не хуже других». Другие? На кой черт они мне сдались? С ними даже поговорить не о чем. Нет, я могла бы, конечно, сказать им все, что о них думаю, но смысл?.. Они считают, я не так выгляжу, не то чувствую, и вообще у меня мое, неправильное мировосприятие. И начинают завидовать и ненавидеть. У нас не любят тех, кто бросает вызов жизни и обществу. У каждого свой взгляд, свое мнение, но мы живем не в лесу, не на необитаемом острове, а в обществе. И оно диктует свои порядки и манеру поведения. Значит, что бы ты ни думал про себя, ни размышлял, но в обществе ты должен жить так, как в нем принято. А Я ТАК НЕ ХОЧУ! Жизнь коротка, чтобы подстраиваться под общество. Что такое общество?! Соседка тетя Маша, алкаш дядя Вася, непонятные тетки и дядьки, которые якобы знают, как нужно жить?! Все они обычные люди с кучей недостатков, так почему я должна на них равняться? Думать надо о себе. Мне безразлично, как на меня посмотрят люди, как отреагируют. Мне начхать, что принято или не принято в обществе.

Белая Ворона резко отличается от других. Ей не нашлось места в существующих общественных институтах, и чувствует она себя в соответствии с ситуацией: лишней, покинутой, непонятой. Она противопоставила себя обществу либо общество противопоставило себя ей. Общество – это серая масса, наполненная ложью, подлостью, предательством и лицемерием.

Фальшивые люди, фальшивые поступки, фальшивые слова, фальшивые чувства... Странно, почему у этих фальшивых людей нет фальшивых улыбок. Они даже на это скупы...

НЕ ХОЧУ БЫТЬ ЧАСТЬЮ СЕРОЙ МАССЫ! Я сильная, знаю себе цену и всегда найду силы оставаться не такой, как все. Буду жить так, как живу, потому что не желаю фальшивить. Я могу умирать и вновь рождаться, стирая кровь с тела. А вот кровь с души стереть никак не могу. Я могу посмеяться над любовью, перечеркнуть все одним махом, забыть, что такое страх и стыд, бежать куда-нибудь сломя голову.

Не в моих правилах плыть по течению. Я сама выбираю свой путь. Пусть даже он в корне расходится с наезженной колеей остальных. Я сильная и независимая, ведь меня заставила жизнь... Во мне уживается куча личностей. Я прекрасная актриса и играю в театре людей. Люди боятся моей честности. Я могу быть нежной, сладкой, неприступной, порочной, беспощадной, жестокой, колкой на язык и смертельной для врага, но при этом **Я ВСЕГДА НАСТОЯЩАЯ.**

В моей жизни было немало мужчин. Влюбленность, секс, радость и счастье, боль, обиды и разочарования... они учили меня и учились у меня... Мы вместе строили замки на песке, чтобы потом их смыло прибрежной волной...

Я БЕЛАЯ ВОРОНА, И ПРИ ЖЕЛАНИИ ВЫ МОЖЕТЕ ЗАБРОСАТЬ МЕНЯ КАМНЯМИ. ТОЛЬКО НЕ ЗАБЫВАЙТЕ, ЧТО Я УМЕЮ ЛЕТАТЬ... Я КАК НАРКОТИК. СО МНОЙ МОЖНО СДОХНУТЬ ОТ ПЕРЕДОЗА, А БЕЗ МЕНЯ ЛОМКИ...

ГЛАВА 1

– Что-то мне плохо. – Покрасневший Николай тяжело задышал и расстегнул ворот рубашки.

- Может, открыть окно? – Я обеспокоенно посмотрела на Николая.
- Тут явно свежего воздуха не хватает. У тебя действительно очень душно.
- Может, давление подскочило.
- Давай измерим.
- Сейчас пройдет. – Николай махнул рукой.
- Как знаешь. Мне нетяжело.

Не успела я договорить, как Николай захрипел, сверкнул на меня глазами, полными ужаса, и схватился за горло. Из рта пошла пена. Я и опомниться не успела, как он рухнул на пол.

– О боже. – Я встала из-за стола, посмотрела на часы и дрогнувшим голосом произнесла: – Как же так. Еще рано...

Я бросилась к Николаю, перевернула его на спину и... пронзительно закричала. Было отчего заорать: перекошенный рот, вывалившийся язык...

Глаза застыли в ужасе и смотрели прямо на меня. Николай был мертв. Я отпрянула от него.

Схватив сумку, достала носовой платок и судорожно принялась вытирать отпечатки пальцев. Бокал быстро ополоснула и вернула на барную стойку, убрала со стола одну тарелку с приборами, чтобы создать видимость того, что ужинал один человек. Уже у выхода остановила взгляд на лежащих на комодке золотых часах и не смогла побороть искушения – бросила их к себе в сумочку. Взявшись за дверную ручку при помощи носового платка, я выскочила на лестничную клетку и бросилась прочь из этого злосчастного дома.

Отойдя от дома на приличное расстояние, я наконец-то облегченно вздохнула, стянула с себя белый парик и выбросила его в мусорный бак. То же самое сделала с алым шифоновым шарфом, повязанным поверх платья.

Не придумав ничего лучше, я зашла в первое попавшееся кафе и заказала коньяк с фруктами. Когда официантка выполнила заказ, она бросила в мою сторону удивленный взгляд. Наверное, подумала, что пить в одиночку дурной тон. А мне плевать. Людское мнение меня не интересует. Стараясь унять дрожь в руках, я взяла рюмку и чудом ее удержала. Пальцы предательски дрожали. Выпив первую порцию, я почувствовала приятное тепло по всему телу и поспешила положить в рот кусочек ананаса.

Немного успокоившись, я покосилась на любопытную официантку. Она тут же отвернулась. Я закурила сигарету и достала мобильный.

- Вера, это Аня. У меня ЧП. Приезжай. Нужно срочно переговорить.
- Ань, сейчас не могу. Саньку из садика забрала. Куда его дену?
- Оставь соседке. Она же никогда не отказывается. Это много времени не займет.
- Может, лучше ты ко мне подъедешь?
- Не хочу, чтобы нас видели вместе. Прошу тебя, приезжай. Для меня это очень важно. – Я продиктовала Вере адрес кафе и сунула мобильный в сумочку.

Когда Вера приехала, я уже хорошо выпила и украдкой посматривала на внимательно наблюдающего за мной мужчину, который сидел недалеко, часто говорил по телефону и все старался мне улыбнуться и продемонстрировать свои белоснежные, дорогие фарфоровые зубы. В том, что они фарфоровые, я не сомневалась – слишком идеальные, особенно для человека достаточно немолодого возраста. В другой ситуации я бы обязательно завопила, чтобы старый козел прекратил пялиться, но сейчас мне меньше всего хотелось с кем-то сцепиться.

– Подруга, да ты напилась. – Запыхавшаяся Вера укоризненно покачала головой и села за столик.

– Если бы не напилась, то сошла бы с ума.

– Что случилось?

Я показала Вере на коньяк, но она замахала руками.

– У меня времени кот наплакал. Санька что-то приболел. Кашляет, капризничает. Тебя чуть не поймали?

– Сплюнь. Типун тебе на язык.

– А тогда что?

Я наклонилась к Вере поближе и зашептала:

– Вера, а ты не могла мне дать вместо клофелина какое-нибудь другое лекарство?

– Какое другое лекарство? – моментально побагровела Вера.

– Мало ли. Может, случайно получилось. Ты просто перепутала. Может, это яд какой?

– Анька, ты в своем уме? Что такое несешь?!

– Вера, я задала вопрос. Можешь на него ответить?

– Могу. – Голос у Веры задрожал, лицо стало жутко испуганным. – Ань, мы с тобой в одном детском доме все годы на соседних кроватях спали и куском хлеба делились. Как ты могла такое подумать?

– Вера, ну что ты в крайности бросаешься? Разве я сказала, что в чем-то тебя подозреваю или обвиняю? Спросила просто, не могла ли ты по запарке дать другое лекарство. Просто мужик, с которым я сегодня работала, умер.

– Как умер?

– Вер, ну как люди умирают?! Выпил вино и умер. Я растворила клофелин, как всегда, в нужной пропорции. Но Николай не уснул, а умер.

Вера нервно захлопала ресницами. Я поведала ей обо всем, что недавно произошло, и стала ждать реакции.

– Ужас какой, – только и смогла выговорить Верка. Повернулась к официантке и попросила принести еще коньяка и вторую рюмку. Выпив вместе со мной, подруга посмотрела на меня затравленно и прошептала: – Аня, что ж теперь будет-то? Если тебя повяжут, я следом пойду. Это ж я тебе клофелин продавала. Господи, а мне в тюрьму никак нельзя. У меня же маленький сынок. Я детдомовская, мужа нет. Кому Санька мой нужен?! Никому! Я сама в детдоме выросла и хорошо знаю, что это такое. Если меня посадят, такая же участь ожидает моего сына. Анька, я как чувствовала. Не хотела с тобой связываться. Да ты же мертвого уговоришь. Что теперь будет с Санькой?! Бедный сынок! Мальчик мой...

– Прекрати! – Я стукнула кулаком по столу.

Вера вздрогнула и замолчала, словно впала в ступор, и больше не могла произнести ни слова. Я оглянулась по сторонам, встретила взглядом с все тем же наблюдающим за нами мужчиной и вновь обратилась к подруге:

– Послушай, Вера, я тебя не узнаю. Что за нытье? Немедленно возьми себя в руки. Если бы тебе угрожала хоть какая-то опасность, я бы сразу сказала. Ты хорошо меня знаешь. Даже если предположить, что меня когда-нибудь повяжут, что маловероятно, я никогда в жизни тебя не сдам. Своих не сдают. Мы с тобой больше чем подруги, и я прекрасно понимаю, что у тебя маленький сын. Я тебе всегда говорила и еще раз повторю: в отношении меня можешь быть спокойной. Я тебя никогда не подставлю. Да и я не дура попадаться. Работаю чисто.

– Но ведь мужчина умер... – наконец опомнилась Вера.

– Вера, проколы бывают везде. Именно поэтому я и захотела с тобой встретиться. Я осталась незамеченной, обо мне никто ничего не знает. Познакомилась с этим Николаем сегодня в ресторане, куда пришла на бизнес-ланч. Я часто работаю на бизнес-ланчах. И денег много

не тратишь, и мужики приличные прибегают пообедать из соседних офисов. Важно хороший ресторан выбирать, чтобы рядом достойная контора была.

– А что такое бизнес-ланч? – непонимающе посмотрела на меня Вера.

– Вера, ты где живешь? В Москве или в деревне?

– Ань, ты же знаешь, я никуда не хожу. С работы – домой. Из дома – на работу. Ребенок маленький. Я понимаю, что отстала от жизни, только за этой жизнью разве угонишься.

– Надо тебя как-нибудь сводить на бизнес-ланч.

– Нет, что ты, – замахала руками Вера и прошептала: – Не хочу видеть, как ты мужиков «раскручиваешь».

Я налила нам по порции коньяка и заплетающимся языком буркнула:

– Дура ты, Вера. Я мужиков на обедах не «раскручиваю». Это же комплексный обед. На что их раскручивать? Я с ними там просто знакомлюсь и делаю все возможное, чтобы получилось продолжение. Бизнес-ланчи проходят с двенадцати до семнадцати. Я просто заказываю комплексный обед, открываю газету, чтобы придать себе важный вид, или кладу перед собой какую-нибудь папку и начинаю стрелять глазами. Нахожу нужный объект и... в тот момент, когда мы встречаемся с ним глазами, «случайно» улыбнусь. Очень хорошо срабатывает и выглядит ненавязчиво. Время обеденное. Никто и подумать не может, что я не просто ем, а пытаюсь поймать на крючок брюхатую рыбу. Главное, я здесь по деньгам не попадаю. Такие обеды дешевые. Или просто заезжаю в дорогой ресторан чаю попить. Можно к чаю взять десерт. Зависит от того, какая ценовая политика в заведении. Вот сегодня я таким способом и познакомилась с Николаем. У него глаз сразу на меня загорелся. Договорились встретиться вечером. Вот и встретились. Я и подумать не могла, что этим может закончиться.

– Ну вот, тебя с ним кто-то же на комплексном обеде запомнил.

– Никто меня не запомнил, – попыталась успокоить я взволнованную подругу.

– Вы что, в ресторане одни были? Сама говоришь, на этих твоих бизнес-ланчах мужиков полно.

– Ну я же не идиотка, чтобы показывать свою настоящую внешность. Я в белом парике была. Длинные волосы, челка почти на глаза. Кстати, парик очень качественный и дорогой. Пришлось от греха подальше выкинуть после того, как из квартиры выбежала.

– Ты что, его рядом с домом выкинула?

– Я похожа на законченную дуру?! – Веркины страхи начали меня раздражать.

– Я не это хотела сказать. Просто подумала... ты в таком состоянии была... Могла плохо соображать, что делаешь.

– Поверь, я соображаю в любом состоянии. Парик выкинула в мусорный бак очень далеко от дома. Минут сорок пешком шла. На шпильках. Все ноги стерла.

В доказательство я высунула из-под стола ногу и показала Верке, что я разута. Так как босоножки были для меня слишком узкими, то на пальцах виднелись окровавленные мозоли.

– Ничего себе, – присвистнула Верка. – А как ты домой пойдешь?

– Босиком. Босоножки под мышку и вперед. Какие проблемы.

– Что-то я не видела, чтобы у нас по центру Москвы люди босиком разгуливали.

– Значит, буду первая.

– Люди-то как посмотрят?

– Какие люди? – В моем голосе послышался вызов.

Верка всегда бесила меня своей сумасшедшей зависимостью от условностей и общественного мнения.

– Какие? Посторонние. Те, кто будут проходить мимо, – запинаясь, произнесла она.

– А какое мне дело до посторонних и до тех, кто будет проходить мимо? Я их не знаю и знать не хочу.

– Ну что ты сразу завелась-то?

– Да то! Вечно пристаешь ко мне с посторонними людьми. Сотни раз тебе говорила: моя жизнь не нуждается в чьем-то одобрении. Живу, как считаю нужным. – Я помолчала и тут же добавила: – Я с этим Николаем только первый день как познакомилась. Можно сказать, я его всего несколько часов знала.

– И он сразу пригласил тебя к себе в квартиру, – задумчиво произнесла Верка. – Не побоялся.

– Дурное дело нехитрое. Мужики все кобели. Когда захочется, они верхнюю голову отключают и начинают думать нижней головой. А нижней голове по фигу, где прильнуть, поэтому о безопасности она думает меньше всего. Я тебе еще раз повторяю: в ресторане меня никто не опознает. Даже если менты туда нагрянут и будут допрашивать, с кем он обедал, то они скажут, что один. Просто весь обед мы играли в гляделки, а к концу обеда я сделала все от меня зависящее, чтобы этот «гарный хлопец» пошел за мной. Он и пошел, как бык на веревочке. Так что обслуживающий персонал видел только, как мы вместе вышли из ресторана. Ну и постояли пару минут у входа. Я оставила ему свой телефон, а он предложил встретиться вечером.

– А потом что?

– Встретились. Правда, он мне перед этим позвонил. На его мобильном есть мой номер, но я сим-карту из телефона вытащила и в мусорный бак выкинула.

– А сим-карта на тебя оформлена? – дрожащим голосом спросила подруга.

– Господи, Вер, ну что, как маленькая, ей-богу?! Я же этим делом давно занимаюсь. Я что, идиотка, чтобы меня по номеру телефона вычислили? Я сим-карты у одного знакомого на рынке покупаю, а он их на другие паспорта списывает. Схема отлажена.

Парень даже моего имени не знает. Я всегда прихожу к нему в рыжем парике и темных очках. Да и любопытством он особым не отличается. Денежки капаят, а остальное не имеет значения. Так что по телефону меня тоже не вычислишь. У меня и здесь страховка хорошая.

Я закурила сигарету, вновь покосилась на наблюдающего за нами мужчину:

– Мой новый знакомый меня встретил и предложил поехать к нему в гости. А мне только это и надо было. В его дворе было пусто. Играли дети, но они не обращали на нас внимания. Пока мы шли до его квартиры, нам никто не встретился. И даже если предположить, что кто-то высмотрел нас в окно, то видели девушку с длинными белыми волосами, но никак не меня. Я специально надела серое платье, чтобы оно не бросалось в глаза, и повязала алый шарф. Люди запомнят шарф, но не серое платье. От шарфа я избавилась вместе с париком. В квартире мы сразу стали пить вино. Николай откупорил бутылку, достал конфеты, разлил вино по бокалам. Я, как могла, оттягивала время и под видом того, что пошла мыть руки, набрала ведро воды и вылила ему под ванну. А затем прибежала с испуганными глазами и сказала, что его затопили соседи. Пока он выяснял, в чем дело, бросила ему в бокал с вином клофелин. – Стряхнув пепел в пепельницу, я ощутила, как дрогнул мой голос. Посмотрев на напряженное лицо подруги, я продолжила: – Николай вернулся, сказал, потом разберется, что случилось. Видимо, где-то протекает ванна, но это точно не соседи. Мы подняли бокалы вина. Он выпил свой и умер.

– Может, у него сердце большое или давление было высокое? Может, у него на клофелин аллергия? – обеспокоенно спросила Вера.

– Может быть. Только вот смерть странная. Я до сих пор помню его глаза, полные ужаса. Он стал задыхаться, а потом у него пена изо рта пошла. Когда Николай упал, я решила посмотреть, жив ли он. Перевернула, а у него рот перекошен, язык набок. Страшное зрелище. Глазищи такие... Как в фильме ужасов.

– Что-то на клофелин не похоже. – От Веркиных слов про моему телу пробежали мурашки.

– Даже если представить, что у него произошла аллергическая реакция, все равно это не клофелин.

– А на что похоже?

– На яд, – глухо ответила Верка и побледнела так, что от страха я почувствовала острую боль в сердце.

ГЛАВА 2

Верка работала фармацевтом и продавала мне клофелин. Именно я уговорила ее заниматься этим. Мы доверяли друг другу, потому что обе детдомовские и хлебнули вместе немало. Детский дом – отличная школа на выживание.

В отличие от меня, Верку даже попытались однажды удочерить. Приехала одна семья, и из всех детей выбрали именно Верку. Сначала приезжали к ней в выходные, привозили гостинцы и игрушки. Несколько раз даже брали с собой погулять и обещали, что в скором времени она будет жить в настоящей семье. А однажды пообещали приехать, но не приехали. Никогда. Видимо, передумали. Как же Верка переживала... Лила слезы, впала в депрессию. Целыми днями сидела у окна вместе с подаренным ей медвежонком. Воспитатели не могли уложить ее спать. Она сидела у окна даже ночью. Детское сердечко не могло понять, почему ее не взяли в обещанную семью, что она сделала не так и почему ее не поздравили с днем рождения. Когда воспитатели не выдержали и позвонили тем, кто опекал Веру несколько месяцев, на том конце провода честно признались, что от удочерения их отговорили друзья и родственники. Вдруг у девочки плохая генетика... Лучше быть одним, чем с ребенком, который полон сюрпризов и неожиданностей. Верка до последнего верила, что к ней обязательно придут, что это просто недоразумение. Подругу направили к психологу, чтобы он помог ей избавиться от иллюзий и вырваться из объятий депрессии. Знакомство с так и не состоявшейся семьей Верка считает самой чудовищной трагедией детства. Даже дедовщина, которая процветала в нашем детском доме, не оставила такого сильного следа, как то, что ее не взяли в семью. После этого случая Верка погрязла в комплексах и постоянно думала, будто у нее что-то не так.

– Ань, может, они меня не взяли, потому что я толстая? – спрашивала она у меня, когда мы лежали в своих кроватях.

– Никакая ты не толстая, – пыталась успокоить я подругу.

– А может, у меня волосы жидкие?

– Ерунда. У тебя очень хорошие волосы.

– А может, из-за родимого пятна на правом плече? Неужели оно настолько страшное?

– Глупости.

– Может, из-за того, что я букву «р» не очень хорошо выговариваю?

– С тобой логопед занимается. Ты говоришь неплохо.

– Но ведь что-то же им не понравилось?

– Они просто передумали.

– Как? Ведь обещали...

– Вера, ну ты не понимаешь, что ли? Люди могут просто передумать...

– А как же я?

Верка еще долгое время вплетала в косы свои самые нарядные банты и ждала будущих родителей. Жизнь в детском доме никогда не была сахаром. Каждый выживал как мог. Я всегда заступалась за плаксивую Верку, несколько раз дралась из-за нее по-крупному с другими девочками и даже с мальчишками. Все эти годы не давала ее в обиду и считала своей сестрой.

После детского дома Верка поступила в фармацевтическое училище, выучилась на фармацевта, забеременела от первого встречного, отношения с которым приняла за большую и чистую любовь. Вышла замуж, поселилась у мужа в крохотной комнате коммуналки на окраине города. Когда Верку положили в родильный дом, муж ни разу к ней не пришел. Так что пришлось мне встречать подругу с малышом самой. Пока Верка лила крокодильи слезы, я разыскала ее непутевого муженька. Оказалось, он поселился у достаточно обеспеченной дамы намного старше его и возвращаться пока не хочет.

– Аня, когда он успел ее полюбить? – рыдала Верка после того, как я открыла ей глаза на ее мужа.

– Вер, а с чего ты взяла, что он ее полюбил?

– Но ведь он от меня ушел. Они живут вместе.

– Живут, не значит любят. Твой муж обычный альфонс. Скажи спасибо, что он прописал тебя в свою коммуналку и ты не осталась с ребенком на улице. Что с тебя детдомовской-то взять? Страсть прошла, а кушать хочется. Тут богатая бабенка подвернулась. Она ему – комфорт и сытую жизнь, а он ей – свой член. Все по-честному.

– Господи, что ты говоришь? – Верка закрыла лицо руками и всхлипнула.

– Вера, ну когда ты научишься смотреть правде в глаза! Мужик твой – непорядочный человек, если позарился на чужие деньги. И еще скотина. Потому что только конченная сволочь может не встретить жену с ребенком из роддома. Надеюсь, если этот гад обратно приползет, ты его не примешь!

– Приму, – неожиданно выдала Верка.

– Ты что, дура? Он же тебя в самый тяжелый момент предал?!

– Все в этой жизни имеют право на ошибки. Он обязательно поймет, что поступил неправильно, и вернется.

– И какая у тебя будет жизнь, если он вернется? Да он будет совершать такие «ошибки» одну за другой! Он же тебя в хер ставить не будет! Как можно жить с предателем?!

– Но ведь он мой муж... и отец моего ребенка.

– Может, стоит подать на развод?

– Ты что?! А вдруг он вернется? Я буду ждать.

– Дура ты, Верка. Ничему тебя жизнь не учит. Нужно развестись и подать на алименты. У него баба богатая. Должна понимать, что член ей достался с довеском.

– С каким довеском? – непонимающе захлопала ресницами Верка.

– С ребенком. Поэтому пусть обеспечивает. А еще этого альфонса желательно из коммуналки выписать.

– Ты что?! Это же его комната! Он сам меня прописал.

– Квадратов и так мало. Комнатенка крохотная. Пусть сваливает отсюда и прописывается к своей бабе. Не фиг делить жилплощадь с дармоедом. Если уж пошел в альфонсы, то пусть пошустрит. Проник на чужую территорию – будь добр на ней официально закрепиться. Ладно, подождем. Он же у тебя альфонс-любитель, скоро профессионалом станет.

– Аня, перестань! Паша хороший человек. Он на мне женился, прописал в свою комнату.

– Предал, бросил и даже не захотел посмотреть на родное дитя, – продолжила я Веркину речь.

– Он просто оступился. Так бывает.

– Вера, ты блаженная, что ли? Человек трактором проехал по твоей судьбе, а ты ищешь оправдания там, где их быть не должно. Я бы на твоём месте собрала вещи и выставила их за дверь. Или на помойку выкинула.

– Ты что? Они же денег стоят.

– Да бабенка Пашку твоего приоденет. Ты за него не переживай. Он как сыр в масле катается. Лучше о себе подумай.

– Как же я могу не переживать? Все-таки родной человек.

– Какой он тебе, к черту, родной?! Он просто мужик, который заделал тебе ребенка! А за это должен переписать на тебя свою комнату в коммуналке. Не будь душой, дай ему понять: если он думает, что легко отделался, то глубоко ошибается. С каждого мужика нужно брать по способностям.

– Аня, о чем ты говоришь?! Он же не просто мужик. Он мой муж.

– Объелся груш.

– Он отец моего ребенка, в конце концов... – Веркины нервы окончательно сдали, и она перешла на крик: – Я его люблю! И всегда буду любить! Даже если он никогда не придет, буду его ждать! До последнего вздоха!

– Ну и дура. Так вся жизнь пролетит мимо.

Веркин муж так и не объявился. Живет, как у бога за пазухой, исполняет прихоти богатой дамы. Возит ее на ее же дорогой машине, а к Верке с сынишкой и не думает заезжать. Наверное, просто боится посмотреть им в глаза... А Верка по-прежнему ждет. Как в детстве ждала, что ее заберут родители. Плачет по ночам в подушку, ходит на работу по инерции и растит сына. Ни на алименты, ни на развод так и не подала. Вдруг муж обидится и тогда уже точно не вернется...

Позволить себе роскошь сидеть с ребенком в декретном отпуске она не могла. Сына и себя нужно чем-то кормить. На няню денег не было, приходилось оставлять Саньку вечно пьяной соседке по коммуналке и идти работать. Возвращаясь с работы, она ставила соседке пол-литра водки, забирала Саньку и шла в свою комнату. Когда Саньку взяли в ясельную группу детского сада, стало значительно легче. Зарплатой Верке похвастаться было нельзя, она едва сводила концы с концами. Я помогала чем могла, но при этом уговорила продавать мне клофелин, который был так нужен для моей не совсем приличной, но зато доходной «работы». Я щедро платила Верке за клофелин и каждый раз успокаивала, когда она начинала паниковать.

– Аня, господи, меня же посадят.

– Да брось ты. Никто тебя не посадит. Клофелин спокойно отпускают по рецепту. Просто у меня рецепта нет, да и светиться лишний раз не хочется.

– Но ведь я продаю клофелин для криминальной деятельности.

– Это я тебе рассказала, почему он мне нужен, ведь мы лучшие подруги, а ты представь, что не знаешь ни про какую криминальную деятельность. В конце концов, тебе деньги нужны сына растить. Ты же у Паши рубля боишься попросить.

И вот теперь мы сидим в кафе и пытаемся докопаться: как могло произойти, что Николай умер.

– Послушай, попытайся все хорошо вспомнить. Ты всегда даешь мне клофелин в пузырьках. В общем, делаешь все для того, чтобы мне было с ним удобно работать. Не могло получиться, что в пузырьке оказался яд? Может быть, в тот день ты думала о чем-то другом и из-за душевных переживаний все напутала?

– Это исключено. – Губы у Верки дрогнули.

– Тогда почему он умер и у него пошла пена изо рта?

– Не знаю. Ничего не понимаю... Но такая смерть не похожа на смерть от клофелина. Аня, меня не посадят?

– Ни тебя, ни меня никто не посадит. Я тебе уже устала повторять одно и то же. Просто прошу быть повнимательнее. Когда готовишь мне клофелин, не думай ни о чем постороннем.

– Аня, я не пойму... ты что, хочешь ответственность за то, что произошло, на меня свалить? Я дала тебе нормальный клофелин. Может, ты сама в него яд добавила?

– А мне зачем? Я мужиков спать заставляю, а не «мочу».

Понимая, что мы с Веркой сейчас окончательно разругаемся, я махнула рукой:

– Ладно, уже все равно ничего не изменишь.

– А у тебя остался клофелин, который ты подсыпала?

– Нет. Ты же мне всегда разовую дозу делаешь. Вот я всю и высыпала. Вера, черт с ним. Давай просто решим, что у мужика было слабое сердце и произошла аллергическая реакция. Давай лучше выпьем, чтобы больше проколов не было.

Как только мы выпили, Вера взяла меня за руку и заглянула мне в глаза:

– Аня, а может быть, ты бросишь свою деятельность и начнешь жить как все...

– Я не хочу как все.

– Но ведь так очень опасно.

– Ну и куда я пойду работать? На завод? Кому мы, детдомовские, нужны? Институты сейчас, и те почти все платные. А на «бюджет» не поступишь.

Нам на «бюджет» мест не предусмотрено. Всем по хрену, что у нас ни родителей, ни материальной поддержки нет. Да и зачем учиться-то? Это им можно учиться. Они же в полноценных семьях выросли. Им мама с папой всегда денежку на буфет дадут. А нам кто эту денежку даст?! Никто! Мне было больно на тебя смотреть, когда ты училась в училище. Одевали тебя с миру по нитке. Ходила вечно в стоптанных туфлях. Я не хочу за зарплату ишачить. Нам с тобой в этой жизни надеяться не на кого. Если я за зарплату буду вкалывать, кто твоему Саньке помогать будет? Ты же у нас гордая. У мужа ни копейки не попросишь. В общем, Вер, я живу так, как мне удобно. В стоптанных туфлях ходить не желаю. Хочу жить с комфортом.

– Но все равно, когда-то же надо остановиться...

– Когда-то надо. Но не сейчас.

ГЛАВА 3

Мы выходили с Веркой из кафе, изрядно пошатываясь. Я старалась ее поддержать и, не обращая внимания на то, что заплетается язык, произнесла:

– Ну и хрен с ним.

– С чем?

– Ни с чем, а с кем. Одним мужиком меньше, одним больше. Подумаешь, потеря...

– Ты что такое говоришь? Сейчас с мужиками и так напряженка. Они на вес золота.

– Тоже мне золото нашла. Мужик – сплошная головная боль. Вот лично я вообще не понимаю, зачем держать в доме мужчину. Ведь он даже не оправдывает затрат на свое содержание. Гораздо выгоднее вызывать по мере необходимости. Ведь если ты хочешь поесть вкусного меда, необязательно держать пасеку.

– Аня, что за рассуждения?

– Нормальные жизненные рассуждения. Из-за которых я не кусаю локти, не наступаю на грабли и не строю утопических иллюзий. Даже ученые доказали, что мужчина – переходная ступень от обезьяны к человеку. Отсюда повышенная волосатость и агрессивность. Мужская особь по природе полигамна. Ее цель – оплодотворить как можно больше самок. Любой мужчина – жертва борьбы инстинктов и ума. Когда мужика одолевает похоть, он перестает быть человеком. Не хрен одной нижней головой думать и незнакомых баб себе в квартиру водить. Иногда нужно и мозг включать. Этот Николай сам лоханулся, вот и получил по заслугам.

– Аня, ну что ты такое говоришь?!

– Вера, я тебе жизнь говорю! Жизнь без прикрас. Вот лично я никогда бы незнакомого мужика к себе в квартиру не притащила, потому что прекрасно понимаю, какие будут последствия. А этот мудака увидел эффектную блондинку и про собственную безопасность забыл. Вера, мужиков учить надо!

– Не таким же способом.

– Таким тоже. Это только ты у нас не от мира сего. Твой бывший на дорогом джипе катается, черную икру жрет, по курортам летает, а ты с него копейки не требуешь. Вдруг Пашенька обидится и не захочет вернуться. Тфу! Вот уж кому нужно яду подсыпать.

– Не смей! – прокричала пошатывающаяся Верка.

– Да пусть живет. Сволочи всегда долго живут. Поехали к Пашке вправлять мозги!

– Ты что? – Лицо Веры стало таким перепуганным, что я почувствовала к ней острую жалость.

– А мне кажется, давно пора напомнить ему о том, что у него есть ребенок.

– Никуда мы не поедим. Паша и так знает, что у него есть ребенок, просто сейчас ему не до него.

– Вера, ты хоть сама понимаешь, что говоришь? Санька уже в детский сад пошел, а Паше все не до него. А когда ему будет до него?! Когда сын в армию пойдет?! С каким бы удовольствием я хотела сходить к твоему Паше и сказать все, что о нем думаю!

– Не смей! Я знаю, ты можешь пойти! Умоляю, не нужно никуда ходить!

– Да успокойся, никуда я не пойду без твоего ведома. Ты же меня потом нытьем достанешь.

Я посмотрела на проезжающее мимо такси и махнула рукой, чтобы оно остановилось.

– Ты поедешь в этом такси, а я в следующем. Нам с тобой в разные стороны. – Когда такси остановилось, я запихнула в него Верку, сказала водителю, куда ее везти, и заплатила. – Смотри, я номера переписала. Проверю. Не дай бог, пальцем тронешь, я тебя из-под земли достану. Надеюсь, ты не мудака, из тех, что спешат воспользоваться тем, что девушка немного выпила.

Таксист посмотрел на меня обиженно:

– Я работаю в городском такси. У нас приличная контора.

– Очень часто в приличной конторе работают неприличные люди. Мое дело предупредить.

Хлопнув дверью, я посмотрела вслед уходящему автомобилю и хотела было поймать машину для себя, как меня схватил за руку тот самый мужчина из кафе, который буквально поедал меня глазами и улыбался при первом удобном случае. Он вновь улыбнулся мне своими тридцатью двумя фарфоровыми зубами и предложил:

– Давай я тебя подвезу.

Я отдернула руку и процедила сквозь зубы:

– А я с вами на «ты» не переходила.

– Так давай перейдем.

– Как-нибудь в следующий раз.

Данный тип не внушал мне симпатии, и я пошла прочь, не обращая на него внимания. Решила отойти подальше от кафе, чтобы не продолжать совершенно ненужное знакомство и поймать такси для себя. Остановившись, я хотела оглядеться, чтобы поднять руку, но не успела – рядом остановился тонированный джип.

– Девушка, вас подвезти?

Я подняла голову и увидела симпатичного молодого человека в черном костюме.

– Нет, спасибо. Поймаю другую машину.

– Почему?

– Потому что у вас окна тонированные и, возможно, вы в машине не один.

– А если я скажу, что один?

– Все равно вы не внушаете доверия.

– Неужели я такой страшный?

– Нет. Вы очень симпатичный. Но я все же поймаю другую машину. Проезжайте.

– Но ведь другая машина тоже будет незнакомая.

– Я езжу только на тех машинах, где есть эмблема такси.

– По-вашему, это знак безопасности?

– Что-то типа того.

– А мне кажется, это не страховка от неприятностей. Сейчас в такси идут работать все кому не лень. Среди них много гопников. Уж лучше сесть в приличную машину к приличному молодому человеку.

– Простите, я все сказала. Больше добавить нечего.

Заметив, что молодой человек не собирается уезжать, я развернулась и вновь пошла по тротуару. Не могла не отметить, что джип очень даже дорогой, да и парень симпатичный. Но все же меня что-то останавливало, подсказывало – не стоит садиться в эту машину. Джип медленно ехал рядом.

– Такие красивые ноги, на таких больших каблуках не хотят отдохнуть? Девушка, садитесь в машину, подвезу куда нужно.

Я резко остановилась и метнула в сторону преследователя недовольный взгляд:

– Послушайте, вы что, с первого раза не понимаете? Вам по сто раз повторять одно и то же надо? Я же сказала: меня не нужно никуда подвозить, не сяду я в вашу машину.

– Вы всегда такая злая?

– Всегда, когда люди не хотят понимать элементарных вещей.

Незнакомец улыбнулся и, взяв с сиденья симпатичный букет орхидей, наклонился, вынул руку и протянул его мне.

– Это вам. Только не говорите, что вам не понравился букет.

Я улыбнулась и приняла цветы.

– Красота. Как такой букет может не понравиться? Спасибо. Так неожиданно... Это же орхидеи. Мои любимые. Как вы догадались, что это мои самые любимые цветы?

– Почувствовал. Это же дикие орхидеи. Они такие же дикие, как вы.

Я понюхала прекрасный букет и не удержалась от вопроса:

– И когда вы успели? Ведь орхидеи еще поискать нужно. Их в любом цветочном павильоне не купишь. Получается, букет лежал у вас в машине. Вы везли его для другой девушки?

– Нет. Он предназначен именно для вас.

– И когда ж вы успели?

– Заранее купил и стал искать свою дикую орхидею. Увидев вас, понял, что пропал. Послушайте, быть может, вы все-таки сядете в машину? Неужели не видно, что я не маньяк и не бандит?

– Хорошо. – Я открыла дверь и, устроившись рядом с ним, увидела, что кто-то сидит сзади. Не успела опомниться, как незнакомец тут же заблокировал двери и автомобиль тронулся. – Почему сразу не сказали, что не один? – Я повернулась и увидела того самого мужчину из кафе, который слишком навязчиво следил за мной этим вечером, а потом предложил довезти меня до дома. Рядом с ним сидел еще один молодой человек в точно таком же черном костюме, как и тот, что подарил мне букет. – Вы?!

– Я. Не ожидала?

– Не ожидала. – Я нервно затеребила цветы.

– Кстати, букет от меня, а не от моего водителя.

Я посмотрела на молодого человека за рулем и надула губы:

– Ах, значит, вы водитель.

Но он не сказал мне больше ни слова. Видимо, все команды шефа закончились.

– Остановите машину! – крикнула я, но водитель больше не обращал на меня внимания. Словно меня и не было.

– Успокойся. Не стоит волноваться. Ты просто перебрала с алкоголем. Никто не сделает тебе плохо, если будешь разумно себя вести. Кстати, меня зовут Илья Петрович.

– Аня, – дрогнувшим голосом произнесла я.

Вот влипла! Этот хрыч вряд ли отвезет меня домой. Скорее всего, он специально сидел в кафе, чтобы снять молоденькую дуреху на ночь. Хотя с его возможностями это несложно сделать. Фарфоровая челюсть, дорогая машина с водителем... Интересно, а кто рядом с ним?

Я оглянулась и посмотрела на молодого человека, сидящего рядом с Ильей Петровичем. Отталкивающая внешность вызывала страх. Совершенно лысый, слишком выпирающая челюсть и колкие глаза.

– А это кто? – бесцеремонно задала я вопрос.

Молодой человек как в рот воды набрал. За него ответил мой новый знакомый:

– Мой охранник.

– Илья Петрович, а почему вы не спрашиваете адрес, где я живу? Вы же хотите подвезти меня домой? – включила я дурочку. – Даже не поинтересовались, в какой район ехать.

– А зачем? – равнодушно пожал плечами старикан.

– Как это зачем? Мне домой нужно.

– Я хочу, чтобы ты поехала ко мне.

– А меня вы об этом спросили?

– Зачем? Я не спрашиваю, я ставлю тебя перед фактом.

– Не поняла. – От страха перед неизвестностью у меня стал улетучиваться алкоголь, и я, как могла, пыталась посмотреть на ситуацию более трезвым взглядом.

– Аня, что непонятного? Мы едем в мой загородный дом.

Так я и думала. Этот старикан искал себе на ночь девицу, и этой девицей, к несчастью, оказалась именно я. Вот урод! С такими деньгами нужно не девок в кафе снимать, а прости-

туток заказывать. На такой дорогой машине ездит, а на сексе экономит. Не удивлюсь, если он садист или извращенец и после поездки меня уже никто не найдет. Замучает до смерти, и охранники где-нибудь в лесу меня закопают. Вот и закончится моя непутевая жизнь. Если разобратся, по мне даже плакать некому. Только Верке...

– Вы решили повезти меня в свой загородный дом против моей воли? – Я старалась, чтобы голос звучал как можно спокойнее.

– Зачем спрашиваешь о том, на что знаешь ответ?! Если бы мне нужна была твоя воля, я бы поставил тебя в известность, но она мне ни к чему. Оставь ее себе.

– Но это похоже на похищение.

– Если хочешь, чтобы это было похищение, пусть так и будет.

– Но ведь я могу сообщить в милицию, – забормотала я, вызвав смех у Ильи Петровича. – Я сказала что-то смешное?

– Сказала. Мне всегда смешно, когда говорят про милицию.

– Илья Петрович, остановите машину. У меня нет желания ехать в ваш загородный дом. Я вообще не понимаю, как с вашими доходами можно не найти на ночь девушку, которая поедет к вам по собственному желанию. Да вы только свистнете. Знаете, сколько их набегит...

– А я не люблю свистеть.

Я стала нервно дергать ручку двери.

– Ты что, не видишь, что дверь заблокирована?! – Охранник, сидящий рядом с Ильей Петровичем, схватил меня сзади за плечи и хорошенько встряхнул.

– На ходу собралась выпрыгивать?

– Да хотя бы и на ходу.

Увидев, что мы уже выехали за город, я затряслась, как осиновый лист, и произнесла взволнованно:

– Илья Петрович, вы хоть понимаете, что у вас будут серьезные проблемы с милицией?! Сначала похищение, а потом, я так понимаю, изнасилование... Даже если после этого вы меня убьете, вас все равно найдут, и вам придется ответить по всей строгости закона! Если вы думаете, что это вам сойдет с рук, вы ошибаетесь!

– Если ты не заткнешься, то проблемы будут не у меня, а у тебя! Хватит нас ментами пугать. А то неровен час, я тебя сам в милицию сдам.

– А меня-то за что?

– За то, что у тебя в сумочке золотые часы убитого тобой Николая...

ГЛАВА 4

Всю последующую дорогу я ехала молча. Никак не могла найти связь между Николаем и этим стариком. Даже если представить, что они хорошие знакомые, то откуда старику знать, что у меня в сумке золотые часы?! В тот момент, когда я их туда кинула, в квартире никого не было...

Получается, старик оказался в кафе не случайно... В голове творился такой сумбур, что я не знала, как с этим справиться. И все же неожиданно ко мне пришла одна светлая мысль, которая смогла дать объяснение многочисленным мучавшим меня вопросам. Конечно, в квартире Николая была установлена видеокамера, которая записала и смерть Николая, и мой побег. Других объяснений нет.

Господи, но ведь с момента смерти Николая прошло совсем мало времени. Когда люди старикана успели взять из квартиры пленку и просмотреть? Да и на пленке изображена девушка с длинными белыми волосами. Откуда им знать, что это я? Кем приходится Николай этому старику? Что теперь со мной будет? Если пленка у него, он может мною насытиться и сдать в милицию. А значит, мне «светит» тюрьма...

Вопросы появлялись, как грибы после дождя, но я так и не находила на них ответов. Уже вообще ничего не понимала. Произошедшее казалось мне дурным сном.

Мы подъехали к массивным воротам. Я смотрела на встречающих нас охранников и думала о том, что отсюда невозможно сбежать. Заехав на территорию особняка, я стала нервно кусать губы и мять цветы орхидей. От чувства неизвестности хотелось кричать и биться в истерику. Что сделает со мной старый извращенец? Надругается сам или отдаст охране? Убьет или посадит в тюрьму? Какая же я идиотка! Почему не подумала о том, что в квартире может быть камера? Зачем взяла эти проклятые часы?!

Как только машина остановилась и я вышла на улицу, охранник толкнул меня в сторону дома и дал понять, чтобы я шла вперед. Меня завели в просторную гостиную и указали, чтобы я села в кресло. Я протянула одному из охранников смятый и раздавленный на нервной почве букет орхидей и попросила выкинуть его в мусорное ведро.

– Аня, но цветы ведь ни при чем, – заметил Илья Петрович и сел в противоположное кресло.

– Сама не знаю, как получилось, – пробурчала я и приготовилась к самому худшему.

Старик велел охране подождать за дверью. Когда мы остались одни, он оглядел меня с ног до головы и ехидно спросил:

– Страшно?

– Не люблю неизвестность, – уклонилась я от ответа.

– Значит, страшно.

– Илья Петрович, чего вы от меня хотите?

– Если думаешь, что меня интересует твое тело, то глубоко ошибаешься.

– Правда? – не поверила я своим ушам.

– А ты что о себе возомнила? Что мне интересны твои сиськи? Дура! Ты же сама понимаешь: хотя я не молод, но с моим состоянием у моих ног всегда будут самые лучшие сиськи, намного больше и красивее, чем у тебя.

– Тогда что вам нужно?

– Мне нужна твоя душа.

– Душа?! – От неожиданности я чуть не выронила сумочку, которую держала на коленях.

– Чему ты удивляешься? Тому, что современных мужчин интересует только тело и им плевать на женскую душу? Я угадал?

– Попали прямо в точку.

– Вот такой я несовременный. Отдашь мне свою душу?

– Вы серьезно?

– А разве я похож на того, кто шутит?

– Нет. Просто странно это...

– Ничего странного. Я хочу заключить с тобой сделку. Ты отдаешь мне свою душу в обмен на мое молчание о том, что совсем недавно ты убила Николая и своровала у него часы. В его доме сейчас полно оперов, которые хотят докопаться до сути.

– Я не убивала!

– Но ведь ты заправила ядом его бокал с вином.

– Это был не яд, а клофелин.

– Да теперь без разницы. Человека-то нет. Так что, Ань, выбирай: либо я сдаю тебя ментам и ты отбываешь срок по всей строгости закона, либо ты отдаешь мне свою душу и принадлежишь мне.

– С тюрьмой все понятно, а вот с душой не очень... Как я должна вам принадлежать?

– Тело оставляешь себе, а мне отдаешь душу. Будешь жить в моем доме, служить мне и делать все, что скажу. Третьего не дано. Ты должна мне дать ответ прямо сейчас.

– Илья Петрович, отпустите меня, пожалуйста. – Я посмотрела на старика глазами, полными слез. – Умоляю! Зачем я вам? Что с меня взять? Не знаю, кем был для вас Николай, но неужели вам станет легче от того, что вы упрячете меня за решетку?! Николая уже не вернуть. Не знаю, как могло так получиться. Я заправила его бокал стандартной дозой клофелина – от этого никто не умирал. Сама не нахожу произошедшему объяснений. Понимаете, это произошло случайно. Я не хотела убивать. Это не входило в мои планы. Я лишь хотела уложить его спать и взять немного денег. Мне очень нужны деньги. У меня ведь никого нет, а жить как-то надо. Ну не хочу я жить за чертой бедности. Не хочу! Не на панель же идти. Все-таки способ заработка, который я выбрала, более благородный, хотя я понимаю, что о благородстве тут не может быть и речи.

– Если отдашь мне свою душу, я сделаю тебя очень богатой. Научу зарабатывать большие деньги. Поверь, очень большие. Это тебе не по карманам кошельки тырить и мужикам клофелин в спиртное подсыпать.

Я покраснела как вареный рак. Откуда старик знает, что, выйдя из детского дома, я занималась тем, что воровала кошельки на рынках и в гипермаркетах? Днем шла воровать, как на работу, а вечером оттачивала мастерство на карманах Веркиных брюк или ее сумке.

Пронеслись воспоминания...

– Вера, смотри, как нужно правильно воровать.

– Ань, да пошла ты! Я в жизни подобного не сделаю. Это же сразу статья.

– Поэтому я и хочу стать профессионалом. Здесь важно отточить технику, чтобы она была идеальной. Прежде чем засунуть руку в карман, нужно развернуть ее тыльной стороной ладони и засовывать не всей пятерней, а только четырьмя пальцами. Без какого-либо нажима и ненужных усилий. Все легко и непринужденно.

– Ох, Анька, не доведет тебя до добра такая жизнь, – причитала Верка и закрывала глаза от ужаса.

– Не паникуй. Тут важно все грамотно рассчитать, чтобы остаться незамеченной. Как только кошелек будет у меня, нужно за считанные секунды его опустошить и выкинуть. Если кошелек не скинуть вовремя, можно нажать серьезные проблемы. А скинул – дыши свободно, улик-то нет.

После вечерних упражнений утром я опять шла в места скопления народа и выискивала жертву. Некоторые срывались с крючка, а кое-кто терял бдительность и попадал в расставленную ловушку...

...Вернувшись в действительность, я вновь подумала о том, что старик не может знать про мое воровство. Скорее всего, он сказал это наобум.

– Ты так и не ответила на мое предложение. Тюрьма или жизнь, которая будет принадлежать мне?

– Не хочу в тюрьму, – всхлипнула я и еще раз спросила: – Илья Петрович, а может, вы все-таки меня отпустите?

– Ты человека убила и своровала у него золотые часы. О чем ты говоришь?! Еще скажи, что у тебя в сумке нет этих часов.

– Есть. – Я понимала, что, если совру, старику будет нетрудно взять сумку и выкинуть ее содержимое на пол.

– И вообще, я устал. Если через пару минут не определишься, я скажу своим охранникам отвезти тебя ментам.

– Только не это, – замотала я головой.

– Значит, согласна продать мне свою душу?

– Да, – вырвалось у меня. – А что я должна для этого делать?

– Все, что я буду тебе говорить. Понятно?!

– Да. На том и решили. Я буду в вашем распоряжении, а теперь пусть ваш водитель отвезет меня домой.

– Нет. Ты никуда не поедешь. Теперь ты будешь жить у меня. Сейчас позову домработницу, она покажет твою комнату.

– Илья Петрович, у меня есть жилье. – Такого поворота я ожидала меньше всего. Мне совсем не хотелось жить со стариком в одном доме, в полнейшей изоляции от внешнего мира, и постоянно находиться у него на виду. – Я однокомнатную квартиру снимаю. Хозяйка за границей. В общем, мне повезло. Особых денег она с меня не дерет.

– Ну и пусть квартира стоит, она же хлеба не просит.

– Там цветы поливать надо, а то они зачахнут. Хозяйка не простит.

– Значит, буду тебя отпускать их поливать. – Старик зевнул и посмотрел на часы: – На сегодня все. Иди спать. Время позднее. И запомни: с сегодняшнего вечера твоя душа принадлежит мне. Ты обменяла ее на то, чтобы не попасть в тюрьму. Никто не должен знать, где ты живешь. И никому не рассказывай о нашей сделке. Если проболтаешься своей подружке, я тут же решу, куда тебя лучше отправить: на тот свет или в тюрьму. Аня, надеюсь, ты уже поняла, что я человек очень даже серьезный и шутить не люблю.

– Поняла, – глухо произнесла я и как можно быстрее спросила: – Где я могу переночевать?

– Сейчас придет Грета и покажет тебе твою комнату.

Не прошло и нескольких секунд, как в комнату вошла пожилая женщина и пригласила меня пойти за собой. Вместе с ней я поднялась на мансардный этаж дома.

– Твоя комната в самом конце коридора.

Грета провела меня в довольно просторную, со вкусом обставленную комнату. Все стильно, дорого и, я бы даже сказала, роскошно.

– В комнате есть большая терраса с мягкой мебелью и кроватью. При желании можешь спать на свежем воздухе. Кровать, что на террасе, что в комнате, может менять форму в зависимости от потребности личной эргономии. – Домработница добросовестно проводила экскурсию по моим новым апартаментам. – Вот гардеробная комната и парильня. А в санузле терапевтическая и гидромассажная ванна, которая оборудована приспособлениями для световой и цветовой терапии. Здесь также есть двухместная сауна. Душ имеет паровой эффект. И в туалете, и в комнате установлены плазменные телевизоры. Интерактивное ТВ, DVD-плеер, «домашний кинотеатр». Ты можешь смотреть все имеющиеся здесь фильмы. В комнате отлич-

ная система кондиционирования. В твоём распоряжении бар, там хороший выбор алкогольных и безалкогольных напитков.

Я смотрела на все это великолепие и не верила своим глазам. А ведь я и мечтать о таком не могла. Очутись я в этом раю в другой ситуации, считала бы себя безмерно счастливой, а сейчас не знала, радоваться или плакать.

– А в туалете зачем телевизор?

– Мало ли, вдруг решишь там задержаться. – Домработница не могла не улыбнуться. – В ванной комнате, напротив джакузи, есть ещё один телевизор. Думаю, тебе скучно не будет.

– Я в шоке от технического оснащения.

– Если понадобится, прямо на входе висит внутренний телефон. Нажимай на кнопку вызова домработницы, и я сразу приду.

– Спасибо.

– Не за что. И ещё я хотела уточнить: может, тебе подать ужин?

– Нет. Спасибо. Я только что из ресторана.

– Тогда спокойной ночи.

Дверь за Гретой закрылась. Мне импонировало, что она не задавала лишних вопросов. Видимо, здесь не принято совать свой нос в чужие дела. Не придумав ничего лучше, я подошла к барной стойке, налила себе рюмку отменного коньяка и, взяв дольку лимона, вышла на террасу.

– Красота, – вырвалось у меня.

На территории дома вдоль аккуратных дорожек стоят пушкинские фонарики. За территорией густой лес. А воздух-то какой чистый! Выпив коньяку, я посидела с полчаса на террасе, стараясь убедить себя в том, что все это не сон, а реальность. Если бы я сказала кому-нибудь, что продала свою душу, меня посчитали бы сумасшедшей. Да и кому? Дьяволу-старикану?! Только бы не сойти с ума от всего этого.

Приняв душ, я надела белый махровый халат и легла на огромную кровать, которую так нахваливала домработница. А ведь она действительно была чертовски удобная. Если откровенно, я никогда не жила в подобных условиях. Просто фантастика! И все же я хорошо понимала, что не могу остаться в этом доме надолго. Никто не знает, что на уме у старикана и что значит продать ему душу...

Важно только улучшить момент и найти пленку с записью событий, произошедших в квартире Николая.

ГЛАВА 5

Этой ночью я все же не выдержала – взяла одеяло и перебралась на террасу. Никогда еще не спала на свежем воздухе. Ночное небо. Манящие своим мерцанием звезды...

А ведь мой первый сексуальный опыт был именно под ночным небом, усыпанным звездами, которые стали невольными свидетелями моей первой любви. Он был моим учителем, а я – его ученицей. Мы оба понимали, что так нельзя, но ничего не могли с этим поделать. Нет, он не был похотливым козлом, который волочится за школьными юбками. Молодой, скромный, стеснительный парень, он пришел преподавать в школу сразу после института. Я как раз перешла в выпускной класс. С ним заигрывали многие наши девчонки и пытались вогнать в краску своими не совсем приличными поступками. Но парень оказался стойким оловянным солдатиком и всячески давал понять, что он учитель, а значит, в отношениях будет дистанция. Тогда я поспорила с классом, что учитель будет моим чего бы мне это ни стоило. Я подошла к нему после уроков и попросила подробнее объяснить сегодняшнюю тему, а то, мол, ничего не поняла. Он согласился и стал объяснять мне предмет, а я смотрела на него не отрываясь и думала: боже, какой же он красивый... Слишком красивый для учителя математики...

Наш роман закрутился очень быстро. Можно сказать, мы оба не успели опомниться. Он совершенно забыл про то, что учитель, а я про то, что всего лишь на него поспорила. Через пару недель произошла наша первая близость, и конечно же не последняя. Красивые слова, поцелуи, страстные объятия и обещания провести эту жизнь вместе... Только нужно дождаться окончания школы, чтобы мы могли не скрывать наших чувств...

А потом я забеременела. Молодая была, дурная. О средствах предохранения не задумывалась, да и учитель не подсказал. Когда поставила в известность своего «любимого», он жутко перепугался и велел идти на аборт. Для меня это было трагедией. В то время на нас уже косо смотрели учителя и подозревали о наших «неприличных отношениях». В общем, учитель уволился. Не знаю, сам или попросили, но больше его в моей жизни не было. Благо, что оставил денег на аборт, и я его сделала.

Долгое время я пыталась понять, почему моя первая любовь потерпела фиаско. Казалось, наши отношения продлятся вечно. Мне не нужно было подбирать фразы, стараться не обидеть и думать, уместно это или нет. Потому что для нас было уместно все. Мой «любимый» знал меня в самых моих худших проявлениях и в самых лучших. Помню, как после признаний в любви я прыгала через лужи и танцевала посреди улицы. Все это осталось в прошлом. Наступил момент, когда я поняла: не нужно тащить ПРОШЛОЕ в НАСТОЯЩЕЕ. Я смогла отпустить прошлое. Отпустить и простить. Мне сразу стало значительно легче. Я осознала, что захотела получить то, что мне не могли дать. В тот момент моими союзниками были усилие воли и подавление желаний. Ежедневная работа над собой и над своими ошибками. Я уяснила: СЛЕПО ОТДАВАТЬСЯ НЕЛЬЗЯ. Дождалась того времени, когда стала прекрасно чувствовать себя и без него, ведь жизнь полна красок, даже если «стереть» образ «любимого». Я стала настолько сильной, что подумала о том, что расплывусь в улыбке при встрече с «любимым» и буду действительно рада его видеть. А ведь совсем недавно я абсолютно не была готова к этому.

Я бы равнодушно с ним поздоровалась, пожелала свободных ушей, на которые можно вешать лапшу, и открытых ртов, ловящих каждое его фальшивое движение.

Вот так закончился мой первый взрослый опыт построения отношений с мужчиной. И пусть этот опыт неудачный, он многому научил и придал мудрости. Он научил меня главному: в этом мире доверять можно только себе. МУЖЧИНАМ ВЕРИТЬ НЕЛЬЗЯ. Чуть расслабишься – обманут и предадут.

После исчезновения «любимого» и сделанного аборта мне казалось, что у меня отняли руки и ноги. Я улыбалась и делала вид, что все хорошо, но жила словно на автопилоте. Такое чувство, будто вместе с плодом из меня удалили что-то очень важное, духовное, то, что уже не вернуть. Слез не было совсем, а значит, совершенно не было выхода эмоциям.

Мне почему-то вспомнилась одинокая повариха нашего детского дома, с которой я очень часто говорила по душам. Когда я спросила, почему она одна, эта добрая женщина сказала очень интересную фразу:

– Я одна, потому что слишком хорошо знаю мужчин.

Меня не могла не зацепить эта мысль, и я пристала к ней, чтобы она разъяснила.

– У меня двое детей. Когда есть дети, зачем мужчины? Дети выросли, а значит, пришло время пожить для себя. Да и какой прок в этих мужиках? Делать детей? Мне это уже не нужно. Я свою программу-максимум по деторождению выполнила. Если только передвигать тяжелую мебель в квартире, но и в этом необходимости нет. Что касается секса... Мужики через одного импотенты. Гонору много, а в постели сдуваются, как шары. И там-то с них пользы особой нет. Я вообще не понимаю, почему все говорят, что мужчины сильнее. В чем? Они могут быть сильнее женщины только физически, потому что именно они ходили на охоту, добывали пищу, воевали. А вот в моральном плане им до нас расти и расти и, по всей вероятности, никогда не дорасти. По статистике большая часть самоубийц именно мужчины, наши нежные, легкоранимые существа. Попробовали бы хоть месяц пожить с месячными, я бы на них посмотрела. А еще пусть парочку детей родят, воспитывают их всю жизнь. Да что там говорить! Почему-то самые ответственные дела Бог поручил именно женщине. Просто он наперед знал, что мужики не справятся. Мужики как сперматозоиды – только один из миллиона оказывается полезным.

Проснувшись, я попыталась понять, где нахожусь, и, вспомнив события вчерашнего вечера, тут же вскочила с постели. Приняв душ, надела свои вещи и набрала Веркин номер телефона.

– Вера, ты как вчера добралась?

– Хорошо. Я уже на работе. Голова болит. Мы так бурно с тобой вчера посидели. А ты как себя чувствуешь?

– Отлично. Знаешь, я впервые в жизни спала на улице. – Брякнув, я чуть не прикусила себе язык. Господи, мне ведь нельзя говорить, где я! Не сомневаюсь, в этом доме даже у стен есть уши.

– Ань, ты что, с ума сошла – спать на улице? Что на тебя нашло? У тебя в квартире даже балкон не застеклен. В наше время это очень опасно. Мало ли какой идиот может залезть.

– Что-то я об этом не подумала. Больше не буду.

– Вот и я про то же. Сейчас столько дебилов вокруг. Какой-нибудь придурок на балкон залезет и еще горло ножечком перережет. Сейчас не те времена, чтобы на балконах ночевать.

Быстро переведя разговор на другую тему, я поговорила о чем-то незначительном и положила трубку. Затем обошла несколько раз комнату в поисках видеокамеры, но ничего подозрительного не обнаружила. Когда зазвонил внутренний телефон, я вздрогнула и сняла трубку.

– Анечка, это тебя Грета беспокоит, – послышался в трубке доброжелательный голос домработницы. – Ты уже проснулась?

– Да. Доброе утро.

– Вообще-то уже обеденное время.

– Я так долго спала? – Я с ужасом посмотрела на часы. – Уже два часа! Никогда не спала так долго. Может, оттого, что уснула на террасе.

– На свежем воздухе всегда хорошо спится. Анечка, я хотела спросить: тебе принести завтрак или уже даже обед в твою комнату или ты спустишься в столовую?

– А кто в доме?

– Илья Петрович уехал по делам.
– Тогда спущусь, – обрадованно произнесла я.
Когда я зашла на кухню, Грета хлопотала у плиты. Увидев меня, тут же спросила:
– Так что тебе подавать: завтрак или обед?
– Давайте уже обед. Я бы с удовольствием поела борща!
– Правда? У меня как раз сегодня борщ.
– Здорово!
– Тогда иди в столовую. Я сейчас накрою.
– Грета, да я на кухне поем. Я непривередливая и совсем не голубых кровей. Я воспитывалась в детском доме.
– Надо же. – Грета налила мне тарелку борща.
Я тут же повела носом и уже по запаху поняла, что борщ необыкновенно вкусный.
– Никогда не ела борща вкуснее.
– А в детском доме вас как кормили?
– Обыкновенно. Я там в хороших отношениях с поварихой была. Она меня очень любила и постоянно приносила что-нибудь вкусненькое.
– А родители твои где?
– Не знаю. Я их никогда не видела.
– А искать не пыталась?
– Зачем? Меня у калитки детского дома нашли. Сторож плач услышал, вышел из своей сторожки и увидел сверток на земле. Мне всего несколько дней было. А в свертке записка: «Доченька, прости, если сможешь».
– Я бы таких матерей своими руками давила, – принялась возмущаться Грета. – Это же какое сердце нужно иметь! Точнее, его вообще нет и не было!
– В жизни всякое бывает, – философски заметила я. – Наверное, мать моя молодая была, очень глупая.
– И не поумнела. Если за все эти годы свою ошибку не осознала и не объявилась. А ты, значит, на нее не сердишься?
– Сначала обида была, а потом прошла. Спасибо, что не задушила.
– Да что ты говоришь?!
– Грета, я жизнь говорю. Сколько таких случаев сейчас, не сосчитать. Рожают и на тот свет детей отправляют. Вон, у меня подругу Верку нашли в мусорном баке.
– Где? – Грета захлопала ресницами и выронила поварешку.
– Зима, холод жуткий. Врачи все были в шоке. Не понимали, как ребенок выжил. Так что можно сказать, она в рубашке родилась. Вот ее мать – сука последняя. Выкинула дитя в мусорный бак. А меня хоть в свертке под двери детского дома положила, да еще и письменно прощения попросила.
– Да уж, мамашки нынче пошли. Головы бы по-откручивала. Как борщ?
– Я такого вкусного никогда не ела!
– Так уж и не ела. – Польщенная Грета расплылась в улыбке.
Я заметила, что ей приятно со мной общаться, и это не могло не радовать. Мне хотелось войти к ней в доверие и иметь в этом доме хотя бы одного друга или даже союзника.
– А Илья Петрович где?
– Уехал по делам. Когда приедет, не знаю. Он передо мной не отчитывается.
Разговаривая с Гретой, я все больше убеждалась, что мне не найти пленку, на которой изображена смерть Николая. Дом слишком большой. Я даже не знаю, где именно искать. Да и вполне возможно, что в каждой комнате есть видеокамера. Нужно потихоньку выпытывать информацию о доме у Греты, освоиться и понять, откуда начать поиск. Скорее всего, это личная комната старика или его кабинет. Одним словом, та часть дома, куда другим доступа нет.

– Какой все-таки большой у Ильи Петровича дом. Что он во всех этих комнатах делает?

– Дом действительно большой. У роскошного мужчины должен быть роскошный дом.

Я посмотрела на Грету удивленно. С какой стати она считает старикана роскошным мужчиной? Его не красят ни деньги, ни идеальные зубы.

– Кстати, на цокольном этаже отличный бассейн. Он в твоем распоряжении. Еще есть уличный бассейн. В саду. Там стоят лежаки для загара. Можешь принять солнечные ванны.

– У меня с собой даже купальника нет. У меня вообще вещей нет, кроме тех, которые на мне.

– Скажи об этом хозяину.

Я набралась смелости и спросила:

– Грета, а вы не знаете, зачем я ему?

Грета пристально на меня посмотрела:

– Аня, ты ко мне с подобными вопросами не обращайся. Я действия своего хозяина не обсуждаю. Для меня он всегда прав. Надеюсь на твое понимание.

– Я понимаю, – грустно произнесла я и вышла из кухни.

Да уж, разговорить домработницу не получилось. Но я не отчаиваюсь и очень надеюсь с ней подружиться. Женщина приятная, так что наши доверительные отношения – всего лишь вопрос времени.

Выйдя из дома, я столкнулась с широкоплечим мужчиной довольно высокого роста и от неожиданности шарахнулась в сторону.

ГЛАВА 6

– Аня?!

– Да. – Я испуганно прижалась к стене.

– А чего ты отскочила?

– Это ты чуть на меня не наскочил. Ты что такой здоровый?

– Какой есть. Кстати, я тебя ищу.

– Зачем?

– Затем, что хозяин велел отвезти тебя по магазинам.

– Зачем?

– Купить все, что тебе нужно.

Когда мы сели в машину, я украдкой посмотрела на здоровяка и спросила:

– А ведь я даже не знаю, как тебя зовут.

– Ястреб.

– Это имя такое?

– Кличка.

– А имя-то у тебя есть?

– Алексей. Но меня так никто не называет. Так что называй меня Ястреб.

– Финист ясный сокол, – хмыкнула я и посмотрела в окно. – А ты кем у Ильи Петровича работаешь – водителем или охранником? Судя по габаритам, мне почему-то кажется, что охранником.

– Не угадала. Я ему помогаю. Можно сказать, его правая рука. Хотя я на все руки мастер. Надо – буду водителем. Надо – охранником. Надо – мозговым центром. Надо – стану рейдером.

– А почему ты один поехал? Не боишься, что убегу?

– От меня? Обижаешь. Шеф сказал, на тебе жмурик висит, поэтому бежать некуда. Если только к ментам ломиться, но ты на идиотку не похожа.

Мы подъехали к большому торговому центру и стали ходить по магазинчикам. Решив подраконить здоровяка, я выбрала сразу три дорогих купальника и удивилась, что мой сопровождающий совершенно не возмущался по этому поводу. Дальше больше. Я вошла в кураж и стала показывать на понравившуюся одежду и обувь. Нагруженный пакетами Ястреб все же не выдержал и спросил:

– Ты решила скупить весь торговый центр? Может, остановишься? Тебе это до старости не переносить.

– Денег жалко? – язвительно поинтересовалась я.

– Лимит закончился. И заметь, лимит был неслабый.

После покупок мы с Ястребом зашли в кафе выпить по чашечке кофе и перевести дух. Ястреб не сводил с меня глаз, будто сканировал взглядом.

– Послушай, а ты и правда воровка? – неожиданно спросил он, когда мне принесли кофе.

– Кто тебе такое сказал??? – Я почувствовала, как кровь дала в голову. Не люблю, когда меня так называют.

– Хозяин. Да что ты залилась краской? Я же сказал, что я его правая рука, и он со мной многим делится.

– Что он тебе еще сказал?

– Что ты завалила одного паренька и стащила у него золотые часы.

Ничего не ответив, я принялась пить кофе и разглядывать сидящих в зале людей.

– Никогда бы не подумал, – вслух рассуждал Ястреб. – Как все-таки внешность обманчива. С виду такая вся хрупкая... не подумаешь, что запросто из-за часов «завалить» можешь. Ладно бы просто украла, а мужика-то валить зачем?

– У тебя все?! Если будешь надоедать с вопросами, я и тебя завалю, – холодно произнесла я и дала понять, что не шучу.

– Да ну тебя, – махнул рукой Ястреб и принялся пить кофе.

Я рассматривала посетителей кафе и думала, что мне ничего не стоит убежать от Ястреба. Можно громко закричать, что меня похитили... Можно под видом похода в туалет уйти через черный ход. Только что мне это даст? Ничего, кроме тюрьмы...

Роскошный дом, море дорогих вещей... Разве не об этом я мечтала? Только что мне с этим делать, если у меня нет главного – свободы?! Впереди одна неизвестность... Вдруг я увидела, что в кафе вошел тип, которого я когда-то напоила клофелином и обокрала. Я тут же опустила глаза и мысленно попросила Всевышнего, чтобы для него не нашлось свободного столика.

Это было около полгода назад. Я познакомилась с ним в кафе. Просто зашла в зал, осмотрелась, наметила жертву и села напротив. Улыбка действует на мужиков как наживка. Улыбнулась и... через несколько минут он уже пересел ко мне и, завуалировав все красивыми фразами, предложил узнать друг друга поближе.

Мы отправились к нему домой прямо из кафе. На мне тогда был рыжий парик с короткой стрижкой. Приготовленная доза клофелина, как всегда, была в сумочке. По дороге заехали в супермаркет и купили бутылку хорошего вина и дорогого сыра. А затем все прошло по отработанной схеме. Пока ухажер разливал вино по бокалам, я извинилась и вышла в ванную комнату под предлогом, что забыла помыть руки. Как назло, там не оказалось ни ведра, ни тазика и ни ковшика, пришлось набирать полные ладони и выливать воду под раковину. Выбежав из ванной с перепуганными глазами, я сбивчиво стала лепетать, мол, у него что-то потекло в ванной, и, если сейчас не найти течь, можно затопить соседей. Кавалер кинулся в ванную, а я быстро заправила вино клофелином. Немного поорудовав половой тряпкой, мужик удивленно пожал плечами и сказал, что ничего не нашел. Вскоре он уснул, а я поживилась деньгами и золотом. Вот уж не думала еще раз бедолагу встретить... Даже не помню, как его зовут. Но вел он себя как похотливый самец. В магазин за вином не хотел заезжать – не терпелось трахнуться. Пришлось объяснить, что без спиртного не смогу расслабиться. Тогда он противно заржал и сказал, что хорошо меня понимает. Мол, женщинам вино нужно для смазки. Господи, как же мне тогда хотелось заехать по его противной роже... В машине постоянно гладил меня по ноге. Приходилось играючи убирать его руку и говорить, что он чересчур торопит события. Противно вспоминать и уж тем более встречаться с этим типом.

Украдкой огляделась. Бывшая моя жертва сел за только что освободившийся соседний столик и, взяв меню, посмотрел мне прямо в глаза. Я машинально отвела взгляд в сторону.

– Пошли отсюда. – Я взяла Ястреба за рукав и показала на выход.

– Дай кофе допить.

– Я тебе говорю, пошли.

– Я еще не рассчитался.

– Оставляй на столике деньги и уходим.

– Так счет же не принесли.

– Послушай, неужели нельзя оставить деньги без счета?!

Типчик не сводил с меня глаз. Видимо, пытался вспомнить, кто я. На его лице виднелись сомнения. Похоже, его сбивал с толку рыжий парик, в котором я была в прошлую нашу встречу. Увидев, что Ястреб не думает торопиться и медленно смакует кофе, я не выдержала и злобно произнесла:

– Ну что ты к стулу прилип?! Если сейчас не оторвешь свою задницу, у нас будут проблемы.

– У нас? – Ястребу не понравилось, что когда я говорю о проблемах, то имею в виду нас двоих. – Какие проблемы?

– Потом объясню. Надо уходить.

Наконец до Ястреба дошло, что я не шучу. Он положил на стол деньги и резко встал. Когда мы направились к выходу, тип вскочил со своего места и бросился следом за нами:

– Эй, рыжая!

Я шла рядом с Ястребом и не оборачивалась.

– Ксения! Рыжая, остановись! – Мужчина быстро меня оббежал и перегородил дорогу. – Ну здравствуй, рыжая! Давно не виделись! А ты, я смотрю, прическу сменила.

– Вы ошиблись, – спокойно отчеканила я.

– Да ладно. Я тебя на всю жизнь запомнил.

– Еще раз говорю: вы меня с кем-то путаете. Меня зовут не Ксения.

– Ты, наверное, забыла, что представилась мне именно этим именем. Видимо, у тебя столько имен, что ты их все не запоминаешь.

– Уйдите с дороги и не злите моего мужа.

– Ах, ты еще у нас, оказывается, замужем.

– В чем дело? Что ты пристал к моей жене? – Ястреб посмотрел на загородившего мне дорогу мужчину таким взглядом, что у меня по телу мурашки пробежали.

– Да твоя жена чего-то мне в вино подсыпала и обворовала. Я эту гадину никогда не забуду.

– Как ты назвал мою жену?! – Ястреб взял смельчака за ворот рубахи и притянул к себе. – Я тебя сейчас раздавлю, как клопа.

Тот замычал, покраснел до ушей и затрясся от страха.

– Дорогая, иди в машину, а мы, мужики, тут сами разберемся.

Ястреб махнул головой, чтобы я уходила как можно быстрее, и я не заставила его ждать. Взяв протянутые мне ключи от машины, тут же юркнула к выходу и поспешила сесть в джип. Но даже там не почувствовала себя в безопасности. Надо же так вляпаться... Первый раз за все время встретила с тем, кого отработала по полной программе. Минут через десять в машину вернулся Ястреб, и мы, наконец, тронулись.

– И чем все закончилось?

– А ты как думаешь? – усмехнулся Ястреб и закурил сигарету.

– Думаю, что, пока он позвонит в милицию, мы будем уже далеко.

– Никуда он не будет звонить.

– Откуда такая уверенность? Это при тебе он затрясся от страха, а как только ты ушел, сразу, поди, начал ментам названивать.

– Я пообещал оторвать его длинный язык, и он извинился за то, что назвал тебя гадinou. Я думал, он от страха в штаны наложит. Ему ничего не оставалось, как принести свои извинения и сказать, что обознался. Кстати, а ведь он на тебя в милицию не заявлял.

– Почему?

– Женат потому что. Честно признался, что очень хотелось заявить, но не сделал это из-за жены. Если бы узнала, что в ту минуту, когда она в командировке, любимый супруг приводит в дом постороннюю бабу и пьет с ней вино, моментально бы с ним развелась и выставила из квартиры. Я так понял, он сам на птичьих правах.

– Вот мужики пошли, – фыркнула я. – Жену как огня боится, но первую попавшуюся девку на квартиру тащит.

– Физиология, – с умным видом произнес Ястреб.

– Получается, заниматься сексом с женой неинтересно?

– Я не был женат, поэтому точно знать не могу. Но говорят, приедается. – Ястреб вновь усмехнулся и бросил в мою сторону заинтересованный взгляд. – Анька, а ты, оказывается, клофелинщица! Давно этим ремеслом промышляешь?

– Тебе какая разница?

– Да просто так спросил. Если бы ты одна с этим чмырем встретилась, живой бы от него точно не ушла. Видимо, хорошо ты его нагрела. Анька, а ты, я смотрю, девчонка прожженная и жизнью хорошо битая.

– Чтобы начать подниматься, нужно опуститься на самое дно, – процитировала я кого-то из великих. – Может, ты тогда скажешь, зачем я твоему шефу понадобилась?

– А тут и к гадалке ходить не надо. Он решил взять тебя под крыло. С такими внешними данными и хваткой отчаянной аферистки далеко пойдешь.

– Я так понимаю, твой шеф станет для меня чем-то типа «крыши».

– Правильно понимаешь. Видимо, он оценил твои феноменальные способности и решил стать твоим покровителем. Шеф сказал, ты продала ему свою душу.

– Он не оставил мне выбора. Ты не знаешь, долго он собирается держать меня в доме?

– Не знаю. Может, когда-нибудь поймет, что ему больше не нужна твоя душа, и отпустит. Послушай, Анька, чего тебе не хватает? Роскошный дом, шмотки...

– А ты не догадываешься? Мне не хватает личной свободы.

ГЛАВА 7

Когда мы вернулись в дом, Ястреб помог мне отнести многочисленные пакеты в комнату и, выйдя на террасу, закурил сигарету.

– Красивый вид у тебя отсюда.

– А ты где живешь?

– У меня в этом доме тоже есть своя комната. Этажом ниже. Когда нужен шефу, я остаюсь. Но в основном предпочитаю жить в своей квартире в Москве. Меня загородная жизнь не прельщает.

У Ястреба зазвонил телефон. Судя по разговору, звонил шеф.

– Шеф приехал. – Ястреб сунул мобильный в карман. – Ждет тебя через час в каминном зале.

– Что ему надо?

– Это ты у него спроси. Ладно, мне пора.

– Стой. – Я полезла в сумочку и достала массивные часы покойного Николая. – Возьми.

– Что за часы? Неужели те самые, которые ты у жмурика стащила?

– Угадал. Те самые. Возьми их себе. Мне они ни к чему. Да и носить их в сумочке не хочется. Знаешь, меня еще никогда не сталкивала жизнь с теми, кому я когда-то подсыпала клофелин. Судьба берегла. А сегодня я поняла, что могу встретить кого-нибудь из мною обманутых в любой момент. Если бы не ты, даже страшно представить, какие бы у меня были неприятности. А часы в сумке вообще компромат. Их опасно носить. Вдруг меня менты загребут.

– Аня, запомни: пока я с тобой, ничего плохого не случится. А часы оставь себе. Не таскай их в сумке, а положи в тумбочку. Пригодятся на черный день. Прости, но я вещи жмурика взять не могу.

– А я могу, – голосом, полным отчаяния, произнесла я и посмотрела на Ястреба вызывающе. – Возьму, даже глазом не моргну. Не побрезгую. Ни деньги, ни золото не пахнут.

Ястреб помолчал и вздохнул:

– Эх, Анька, как ты до такой жизни докатилась? Странно, что за решетку не загремела. Пороли тебя родители мало.

– А я детдомовская.

– Что, правда?

– А что, не похожа?! Меня не родители пороли, а воспитатели.

– А там быют, что ли?

– А ты думал, по головке гладят?!

Как только за Ястребом закрылась дверь, я легла на кровать, закрыла глаза и стала вспоминать свою жизнь в детском доме. Собачья жизнь... Назвать ее по-другому не поворачивается язык.

Летом, когда все нормальные дети наслаждались летними каникулами, нас направляли на полевые работы – на прополку и окучивание. Стоишь раком в сумасшедшую жару весь день, обливаешься потом и думаешь: только бы не потерять сознание. Понимаешь, что из тебя сделали дешевую рабочую силу, а ничего изменить не можешь. А грядкам конца-края не видно. Всем хотелось, чтобы по окончании работы воспитатель похвалила, но хвалить нас никто не собирался. Ругать – ругают, а хвалить не умеют.

Самое ужасное воспоминание – как наши мальчишки из рогаток охотились на голубей и воробьев. Разделяли их и жарили. Это для них было пиршеством. На пиршество иногда приглашали «избранных» девочек. Заговорщически договаривались о встрече, разводили костер. Поедание живности происходило по установленному ритуалу. Ритуал включал в себя сбор на определенной территории детского дома и поиск дров для костра. Все действия сопровожда-

лись непрекращающимся смехом и шутками. Однажды я попала на такое сборище. Ощипывали воробьев. Помню, как смотрела на происходящее с ужасом, а потом, не вытерпев, взяла камень и пробила голову самому противному пацану, который никогда не расставался с рогаткой.

Если другие дети прикармливали птиц, то я ходила вокруг своего корпуса и прогоняла. Понимала, что их подманивают для того, чтобы убить. Когда птицы улетали, радовалась, как сумасшедшая искренне веря в то, что хотя бы одному воробью спасла жизнь.

Точный день моего рождения я так и не знаю. Ни я и ни Верка, ведь мы с ней подкидыши. Поэтому дни рождения, имена и фамилии нам придумали в детском доме. Воспитатели жаловались друг другу, что с нами слишком сложно, потому что мы чересчур нервные и агрессивные. Да не только мы, а все дети, живущие в нашем детдоме. Они понимали, что нас нужно не только накормить и обогреть, этого мало. У нас у всех с раннего детства одна объединяющая трагедия – лишение человеческих радостей. Мы не знали, что такое любовь. Слышали про нее, но так и не поняли, что это. Потому что любви можно научиться, только если видишь ее, – в постоянном общении с матерью, родными и другими любящими людьми.

Мы с детства боролись за выживание. Сначала в детдоме, затем в большой взрослой жизни. Уж мы-то знали: никто и ничего не принесет нам на блюдечке, а социальные гарантии, обещанные государством, – миф. Никто не предложил нам жилье или право на бесплатное второе образование, когда мы уходили из детдома. Институты «заворачивают» детдомовских, сетуя на то, что у них только коммерческие места. Да и сиротам ведь законы не разъясняют, не растолковывают, что ты можешь, на что имеешь право, только указывают, что ты кому должен. По закону нам действительно обязаны дать внеочередное жилье, да только закон не работает. В его действенность мы не верим. На практике процесс растягивается на долгие годы. Чиновники ссылаются на отсутствие средств и несговорчивость строительных компаний. В результате в очереди на внеочередное жилье сейчас стоят сотни людей. Рассчитывать на жилье могут все дети-сироты. Вместо отдельного благоустроенного жилья нам с Веркой предоставили комнату в общежитии. Два койко-места. Больше власти ничего предложить не смогли. У чиновников ответ один: средств нет, а значит, и свободной жилплощади тоже. Они рассуждают так: если ты из детского дома, что с тобой возиться... Большим чиновникам закон не писан. Спасибо, что не оставили на улице, а дали на первое время общежитскую крышу над головой.

А законы у нас очень хитрые. Выпускники детских домов считаются сиротами только до двадцати четырех лет, а после становятся обычными гражданами. Если до этого возраста не получилось выбить жилье, все, поезд ушел, и поднимать вопрос не имеет актуального смысла. Поэтому чиновники тянут до последнего. Говорят: ждите... Проходят годы, мы ждем. А при очередной попытке добиться справедливости у нас сначала смотрят паспорт. Если исполнилось двадцать четыре года, чиновники разводят руками и говорят, что уже ничем не могут помочь. Отпущенное время ушло.

А потом нас с Веркой технично попросили из общежития, ведь за него нужно платить, а нам нечем. Несмотря на закон, пришлось искать и бороться за крышу над головой. Благо Верке дали койку в общежитии фармацевтического училища а я вышла на промысел и смогла снять сначала комнату в коммуналке, а потом отдельную малогабаритную квартиру на окраине.

Возможно, мы и правда очень сильно отличались от детей, которые не воспитывались в детских домах, но ведь у нас замкнутость «детдомовского» мира. Дети живут в детдоме, здесь же учатся и даже в школе видят вокруг себя только таких же сирот. В результате, когда выходим из стен детского дома, мы просто не знаем, как общаться с людьми. Мы выросли в дефиците общения со взрослыми, никогда сами не ходили в магазин, не покупали себе еду. Мы не знали, как расходовать деньги, не умели разбираться в людях. Нас никто этому не учил, и мы ничего не знали о нормальной жизни в семье. Мы никогда ни к кому не ходили в гости и не знали, что это такое. Оказалось, это такая радость...

В общем, жизнь в детском доме я вспоминаю с болью в сердце. Нам было плохо. Очень плохо. Каждый воспитанник как озлобленный волчонок. Нас закаляла нелюбовь... Мы все росли в так называемой психологической капсуле, зажатые в своем мирке, из которого боялись высунуться. Я жила в среде себе подобных и совершенно не представляла реалий жизни. Да, я смотрела телевизор, слушала радио, но жизни, по сути, не знала. Слабо представляла взаимоотношения в нынешнем зверином обществе, где господствует религия денег, где совесть и честь не в чести. Покидая детский дом, ни я, ни Верка не были готовы к самостоятельной жизни. Выброшенные в «свободное плавание», мы оказались абсолютно беззащитны. Многие наши выпускники стали жертвами аферистов, обманщиков, бессовестных чиновников, а некоторые попали в мир криминала. Никто не умел постоять за свои права, ибо попросту о них ничего не знал.

Одна девочка из нашего выпуска закончила жизнь самоубийством. Один парень стал наркоманом, а другой бомжом, поскольку после выхода из детского дома оказался вообще без какой-либо жилплощади. И опустился на самое дно.

Я отвлеклась от печальных мыслей, встала, сунула часы мертвого Николая в тумбочку и быстро привела себя в порядок, надев новое платье. К положенному времени спустилась в каминный зал, гадая, что старику от меня потребовалось. Старикан сидел в кресле и читал газету. Заметив меня, отложил газету в сторону и придиричиво меня оглядел.

– Вполне приятные изменения, – отметил он, как только я села напротив него. – Тебе идет дорогая одежда.

– Спасибо, – натянуто произнесла я.

– Завтра ты должна встать рано. Ровно в девять утра тебя будет ждать Ястреб. Он отвезет тебя в косметический салон.

– Зачем?

– Затем, что к дорогой одежде требуется дорогой ухоженный вид. С тобой поработают парикмахер, косметолог и визажист. Дадут дорогую косметику и научат правильно краситься.

– Может, вы объясните, зачем это все? Дорогая одежда, косметика... Что со мной будет дальше?

– Не торопи события. Ты продала мне свою душу, поэтому просто доверься и плыви по течению.

– По течению неизвестности?

– Если хочешь, понимай так.

Из этого старикана щипцами информацию не вытащишь. Хитрый. Думает, из-за шмоток я потеряю бдительность и поверю, что попала в рай. Уж я-то знаю, что бесплатный сыр только в мышеловке. Интересно, что ему надо... Будет использовать меня как красивую картинку для своих дел... Надеюсь, у него хватит ума не продавать меня как дорогую проститутку. Хочется верить, что человек, живущий в такой роскоши, не занимается сутенерством. Кстати, в его доме не так мало приятных людей. Доброжелательная Грета, мужественный Ястреб... Старый козел окружил себя неплохими людьми, да только ничему хорошему у них так и не научился.

– Ты уже освоилась? – Старик смотрел на меня таким колким взглядом, что я съежилась и принялась рассматривать свои ногти:

– Да, спасибо.

– Тебе здесь нравится?

Я на минуту потеряла дар речи.

– Илья Петрович, вы надо мной издеваетесь? Думаете, я не понимаю, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке и вы заставите меня отрабатывать все шмотки, которые мне сегодня накупил Ястреб?!

– А что плохого в том, что тебе придется их отрабатывать? Я же тебя не замуж взял, чтобы что-то делать для тебя безвозмездно.

При мысли о том, что этот старик с вставной челюстью мог взять меня замуж, меня пере-дернуло, но я не показала виду.

– Если еще раз назовешь меня стариком с вставной челюстью, я разозлюсь и вместо роскошной комнаты переселю тебя в сырой подвал. Я хочу, чтобы в моем доме ко мне относились с уважением. Поняла?

ГЛАВА 8

На мгновение я впала в ступор. Как это я прокололась и произнесла мысли вслух? Нужно быть осторожной, а то стала забываться. Неужели это на нервной почве? Как могла допустить такую оплошность? Что-то я совсем себя не контролирую. Обещаю сама себе: больше никаких проколов и мыслей вслух. Я и так в полном дерьме. Лишние неприятности не нужны. Куда уже больше, и так в полнейшей зависимости от этого уroda! И никакой гарантии, что он не сдаст меня ментам. Мне никогда не найти видеопленку с записью смерти Николая. В этом доме даже у стен есть уши. Да и слишком он большой, чтобы обыскать. Если старикан узнает о моих поисках, страшно представить, что со мной будет.

Не успела я опомниться, как старикан встал, подошел ко мне ближе и взял меня за подбородок:

– Послушай, я дважды не повторяю. Если ты еще раз назовешь меня стариканом или уродом я не потерплю тебя в своем доме, а отправлю в тюрьму жрать баланду. Как меня зовут?

– Илья Петрович, – дрожащим голосом произнесла я и посмотрела на шефа несчастным и, я бы даже сказала, затравленным взглядом.

– Повтори!

– Илья Петрович.

– Громче!

– Илья Петрович! – закричала я на весь дом.

– Детка, заруби себе это на носу. Ты можешь называть меня именно так и никак иначе.

Понятно?

– Да.

– А теперь пошла отсюда. Не желаю с тобой сегодня разговаривать!

Как только Илья Петрович убрал свои руки, я выбежала из каминного зала и бросилась к себе наверх. Забежав в комнату, услышала сигнал внутреннего телефона и сняла трубку.

– Анечка, может, тебе ужин прямо в комнату подать? – тихо произнесла Грета. Видимо, ей не хотелось, чтобы хозяин узнал, что, после того как он меня выгнал, она предложила мне поесть. – Ты, наверное, голодная?

– Если только закуски какой, – сбивчиво произнесла я.

– Закуски?

– Ну да. Я напиться хочу. Если не напьюсь, просто сойду с ума. Хотя в принципе я и так уже сошла с ума, но еще остался хоть какой-то рассудок. Боюсь, в скором времени не будет и его.

Минут через десять Грета принесла мне поднос с различными нарезками, маринованными огурцами, салатами и бутербродами с икрой.

– Ты уверена, что не хочешь чего-нибудь горячего?

– Да какое горячее? Я и это не осилю. Куда вы так много?

– Просто не знала, что именно ты будешь пить. И набрала побольше, чтобы у тебя был выбор, чем закусить.

– Спасибо вам, Грета. Вы очень добрая.

– Анечка, я понимаю, что тебе нелегко, но дам тебе один мудрый совет. Если не хочешь проблем, пожалуйста, не зли хозяина.

– Я его не злила. Не понимаю, что происходит. Я схожу с ума? Грета, может, вы мне объясните? Почему я стала говорить мысли вслух? Что со мной? Почему я этого не замечаю? Это стресс? Скажите честно, я сошла с ума или в этом доме ничего невозможно утаить?

– Аня, я понимаю, что ты не можешь полюбить хозяина, но, пока находишься в его доме, ты должна его уважать, – ушла от прямого ответа Грета и вышла из комнаты.

Оставшись одна, я налила себе порцию виски и, выпив, закусила кусочком вяленого мяса.

– Ничего не пойму, – вслух произнесла я и, дотянувшись до телефона, набрала номер Ястреба. Он сегодня любезно мне его оставил. Так, на всякий случай. Когда Ястреб снял трубку, я глубоко вдохнула и спросила: – Ты сейчас где?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.